

ЛАДА ЛУЗИНА

Киевские ведьмы Принцесса Треза

 FOLIO

Киевские ведьмы

Лада Лузина
Принцесса Греза

«Фолио»

2012

Лузина Л.

Принцесса Греза / Л. Лузина — «Фолио», 2012 — (Киевские ведьмы)

Три молодые женщины-киевлянки неожиданно приняли от умирающей ведьмы Кылыны ее дар. Как же они сумеют распорядиться им? Ведь они такие разные: студентка исторического факультета Маша Ковалева, железная бизнес-леди Катерина Дображанская и уволенная из ночного клуба безбашенная певица Даша Чуб, по прозвищу Землепотрясная.

© Лузина Л., 2012

© Фолио, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Лада Лузина

Принцесса Греза

Любимому Шоколадному домику, над реставрацией которого я работала в прошлом веке, – посвящается.

Автор

*Да, это правда, лилии прекрасны,
Горды, чисты... Но лилии опасны.*

Э. Ростан

– Можно я полетаю?

– Только без «мертвых петель»...

– Тогда зачем вообще летать? – спросила Даша Чуб, опуская одновременно метлу, нос и голову вниз, а уже взлетевшую со ступенек музея попу на прежнее – нагретое место.

Такое резкое падение духа и тела одной из двух дежурных Киевиц показалось второй подозрительным.

– Что-то случилось? – спросила Маша. И на всякий случай огляделась вокруг – на безлюдный Музей Истории, Андреевский спуск, Пейзажную аллею и опоясанный цепью-забором яр под приютившей их Старокиевской горой, – но не обнаружила ничего, что могло послужить причиной внезапного расстройства.

– Ничего, – подтвердила Даша. – В том-то и дело... ничего не происходит! Так и сижу без работы, без парня, без удачи... Я – безудачница.

– Неудачница.

– Безудачница лучше звучит. Еще лучше – обезудаченная. Типа обездоленная. Потому что кто-то спер твою долю. Кстати, – на миг оживилась она, – как думаешь, мою удачу мог кто-то спереть? – и продолжила, не дав Маше секунды ответить. – В общем, сама не знаю, зачем я подписалась на этот конкурс. Хотя у меня и песня есть. Даже трогательная... Но ни идеи, ни танца, ни костюма, ни желания. Может, лучше совсем не ходить? Я же все равно проиграю? А проиграть – еще хуже, чем вообще не участвовать. Тогда я окончательно в себе разуверюсь. Хо-отя, – тоскливо протянула она, – чего я тебе вешаю. Тебе, наверное, еще хуже. Тоже мне радость – ребенка родить без отца от какого-то гения¹, который умер сто лет назад и на этом основании считает себя свободным. А ты теперь должна сама покупать его дитю памперсы...

– Да нет, не в этом дело, – сказала Маша, глядя на небо. – А в том, что он никогда меня не любил, – ее голос был даже чересчур равнодушно-бесстрастным – так говорят о чем-то решенном, забытом, окончательно признанном неважным, хотя и печальным. – Он видел меня два раза в жизни. И оба раза я была – кстати. И была слишком глупой, чтоб это понять. Что поделать, я никогда мужчинам не нравилась. Но это неважно. Теперь у меня есть Мир, и он любит меня не за красивую внешность. И Миша – всегда будет нашим сыном. Все кончено...

– Все – в смысле жизнь? – изумленно возмутилась Чуб. – То есть, в 22 года ты себя похоронила как женщину? Ты б хоть предупредила, я б на поминки пришла, скандал там устроить.

– Как женщина, во всяком случае как роковая, я и не рождалась, – примирительно улыбнулась Ковалева.

– Нелогично выходит, – опротестовала Чуб. – Роковая женщина – та, что обладает природным магнетизмом. И ведьма им обладает. Значит, если бы ты была бездарна как женщина, ты бы не стала ведьмой.

---

¹ Об отношениях Маши с художником Михаилом Врубелем читайте в первой книге «Киевские ведьмы. Меч и Крест».

– Мы не ведьмы, мы – Киевщицы. А когда твой конкурс? – неприкрыто сменила тему студентка.

– Завтра вечером... А я даже не высплусь. Ведь я Ки-е-ви-ца, – произнесла Даша Чуб по слогам. – Ночами я сижу на горе, караулю, вдруг в Киеве что-то случится, где-то и с кем-то. А что со мной происходит, во-още никого не волнует. Ведь да?

«Нет!» – хотела сказать Ковалева. Но не смогла. Поскольку, во-первых, то была хоть не чистая, но все-таки правда, а, во-вторых, в тот же миг она стала сияющей явью. Небо над безлюдной Старокиевской горой загорелось триллионом звезд, но лишь одна из них была предупредительно красной. И, вцепившись в нее взглядом, Маша, как обычно, увидела, что тревожная точка разрастается, а небо меняется местами с землей...

С бесконечной высоты Маша Ковалева летела на залитый солнцем, перерезанный Днепром двукрылый град-Киев. Он приближался, разрастался. Вначале она увидела россыпь золотых куполов, затем крыши двух маленьких домиков и белую стену с почти примкнувшим к ней высоким жилым зданием, стремительно пронеслась мимо окон и двери на первом-втором этаже и приземлилась на асфальт между двух мусорных баков. С шумом втянула воздух, выдохнула так и не преодоленный ею страх иллюзии падения вниз и, наконец, с облегчением вновь отыскала себя на Старокиевской. Видение рассеялось.

– Купола, стена, дом. Ты то же самое видела? – спросила Даша.

– Да.

– Нужно вычислить, где это...

– Не нужно, – сказала студентка-историчка. – Это Софийский собор². Но не с центрального входа. Где-то со стороны Рейтарской или Стрелецкой. Нужно бежать...

– Не нужно, – парировала Даша. – Ты че, ничего не заметила?

– Не-ет, – попыталась припомнить Маша. – Я вообще мало заметила. Только Софию, два окна, дверь и двор...

– ...и дневной свет! Сейчас час ночи, а там, в видении, солнце сияло. В первый раз у нас такое. Хотя логично вообще. Преступления ж не только ночью, во время дежурства, случаются.

– Значит завтра, при первых лучах солнца мы должны быть в том дворе, – подвела итог Маша и добавила: – Видишь, как здорово, Киев словно услышал тебя. Ты сможешь выспаться.

– Поспать четыре часа – это, по-твоему, выспаться? – выпятила нижнюю губу Даша Чуб. – Я и не знала, Маша, что ты у нас оптимистка.

* * *

Себя Даша, напротив, причисляла к оптимистам всегда... но только не в пять тридцать утра. Жестокий, немилосердно-яркий свет, взрезавший веки хирургическим скальпелем, был электрическим. Кривясь, Чуб приоткрыла глаза. На груди у нее сидела шарообразная толстая рыжая кошка. Даша привычно вытянула пухлые губы в трубочку – кошка немедленно ткнулась в них носом и громогласно промурчала:

– Mon amour!³

– И я тебя, доця, давай поаморкаю. – Чуб цемнула «дочку» в ответ и растянула губы в улыбке – рыже-пушистая любимица заменила ей солнце. – Маш, не помнишь, кто это сказал? Кошка – мохнатый будильник. Вот прямо про нашу Изиду Пуфик...

Маше будильник был и вовсе не нужен – она уже стояла посреди круглой комнаты Башни Киевщиц – одетая, собранная, с чашкой свежесваренного, дивнопахнущего кофе в руках:

– На, пей. Нам через пять минут выходить.

---

² Заповедник София Киевская входит в число семи чудес Украины, перечень объектов всемирного наследия (ЮНЕСКО).

³ Моя любовь (*фр.*).

– А что случится, если мы выйдем через шесть с половиной? – Даша всегда недолюбливала чрезмерную точность и страдала непреодолимой любовью к спорам по поводу и без оногo.

– Пей. Я добавила туда алун-травы, против уныния, – Маша же Ковалева, напротив, спорить ужасно не любила, считая, что спорщицкий азарт слишком часто берет верх над желаньем сыскать беспристрастную истину.

Даша Чуб села, рыжая кошка плюхнулась на пол и вдруг выгнула спину и издала ряд резких, противных и требовательных звуков.

– Что с тобой, Пуфик?

– Можете считать, что сегодня весна, – сообщил им размеренный голос. Растянувшаяся на каминной полке белоснежная кошка Белладонна перевернулась на спину, сладко вытянула все четыре лапы и промурлыкала чуть теплее: – Сердечно поздравляю Вас, Ясная Пани Мария.

– С чем? – смутилась Маша. – И откуда весна? Сентябрь на улице...

– 7 число, – уточнила белая кошка. – День Рыжих. А это для Изида – похуже весны.

– Спасибо тогда, – Маша с сомнением потрогала свои рыжие волосы.

– Еще хуже весны? – сделала всепонимающее лицо Даша Чуб. – Так ты не мамку сегодня амор? – склонилась она над Изидой. – Тебе, доця, котика подавай?

– *Partie de plaisir*⁴, – изрекла та, как обычно, по-французски. – *Sans facon*⁵.

– В День Рыжих, – пояснила Белладонна, – у Изида всегда просыпается любовь к приключениям. А еще каждый год в сентябре она собирается похудеть... Но пока еще не собралась. Лучше возьмите ее с собой. Иначе сама увяжется.

* * *

Рассвет лишь начинал серебрить бледноватое городское небо, а две Киевицы, с нагрузкой в виде упитанного воротника на плечах, уже сидели на холодной скамейке во дворе дома на Стрелецкой, присоседившегося к белой стене Святой Софии Киевской. Приключенческий «амор» Изида пришелся кстати – утро было холодным, зябким и долгим, и, если бы не пушистый воротник-грелка, Даша успела б продрогнуть до самых костей.

Сначала запели птицы, затем зашаркал метлой молодой ушастый дворник-студент, зашуршали колесами машины, заспешили на работу люди... А во дворе пятиэтажного дома ничего не происходило, и было все так же непонятно, зачем Город послал их сюда.

– И все-таки глупо, – не вынесла нарастающей скуки Даша. – По-твоему, если ты получила мужчину и ребенка, всю оставшуюся жизнь женщиной быть не обязательно? Вот именно из-за таких заблуждений и происходит половина разводов!

Маша нахмурилась. Однако у Чуб возникло паскудное чувство, что хмурится та по другой причине.

– Понятно, – скривилась Даша, – что твой Мир никуда от тебя не денется... потому что ты ведьма. Но, если хочешь знать мое мнение, ты никогда не состоишься как ведьма, пока не вытацишь из себя женщину.

– Ладно, буду тащить...

– Не напрягайся. Бессмысленно! – повысила голос Даша. – Знаешь, почему ты не веришь, что твой Врубель любил тебя?! И считаешь, что Мир тебя любит за красивую душу... Потому, что ты сама себя не любишь. И никогда не любила. А это как вера в Бога. Если ты сам атеист, то ни за что не признаешь чужую веру – истинной. Она всегда будет казаться тебе смешной, глупой, какой угодно – но не настоящей.

---

⁴ Увеселительная прогулка (*фр.*).

⁵ Без церемоний (*фр.*).

– Как ты умно подметила, – похвалила Маша. И по ее застывшим глазам Чуб окончательно убедилась, что напарница думает о совершенно ином и внимает ей впол-, а то и в четверть левого уха.

– Не понимаю, – проговорила Ковалева, – почему дом не хочет говорить со мной? Я два часа пытаюсь завести разговор. И про здоровье его спросила, и не обижает ли его местный ЖЭК. Про это старые дома всегда охотно рассказывают, они любят пожаловаться. А он молчит и молчит, – озадаченно вздохнула студентка.

А Даша Чуб вспомнила, за что не любит себя, и тоже вздохнула – со средней из трех Киевиц киевские дома не разговаривали вообще никогда.

– Ночью, пока ты спала, я навела кое-какие справки. Два маленьких дома за церковной стеной, – показала Маша на кирпичную преграду за ними, – построены в 18 веке. Это бывший Братский корпус и нынешний Центральный архив-музей литературы и искусства. А сам Софийский собор был заложен, возможно, еще князем Владимиром в 1011 году. Представляешь? Ему исполнилось ровно тысячу лет!

– И что?..

– Пока ничего...

Больше ничего примечательного в их местонахождении не было. Даша в сотый раз убедилась в этом, повертев головой влево, вправо, и вновь обратив голову вверх к достопримечательной стене Софии Киевской.

– Кстати, – вновь повторила Маша, – Мозаичную Богоматерь Оранту на стене в Софийском соборе тоже называют «Нерушимой стеной». Во время гражданской войны в стены Софии попало 13 снарядов, но она устояла... «Нерушимая стена» не поддалась! Софийская Матерь Божья – самая древняя восточнославянская святыня. Оранту считают киевским чудом, покровительницей и защитницей нашего народа. Говорят, Киев будет стоять до тех пор, покуда стоит «Нерушимая стена»...

– Только Киев показал нам не ее, а обычную стену, – безнадежно сказала Даша. – И, что касается меня, я уже ни стоять, ни сидеть не могу. Здесь ничего не происходит!

И тут, точно желая хоть как-то разрядить Дашино напряженно-унылое ожидание и необъяснимое молчание здания, приоткрытое окно на втором этаже разразилось громким и визгливым криком.

* * *

– Сколько раз, сколько раз, сколько раз я должна повторять?!.. Еду можно заказывать только в одном ресторане! «У Аллочки»... Нет, не надо думать! Не нужно делать как лучше – нужно делать так, как я вам сказала!

Изрыгнув сие, окно затихло, а Чуб повернулась к напарнице:

– Ну, так что будем делать? Как лучше или как она сказала? В смысле, мы что, так и будем сидеть?

Маша, однако, отнеслась к ее словам на диво серьезно.

– Думаешь, это подсказка? – озарилась она.

– Ну... – об этом Чуб однозначно не думала (она думала, как сыскать повод, чтоб встать и размять ноги). Но Город и впрямь часто посылал им послания в виде случайных фраз, газетных строчек, обрывков афиш.

– Думаешь, – взволнованно прибавила Маша, – мы сейчас тоже ищем что-то «как лучше»? То есть получше... Сидим и ждем какой-то беды, трагедии – большого события. В то время как Город уже сказал нам, что нужно делать. Он показал нам обеим лишь церковную стену, двор, жилой дом, дверь, два окна. Значит, мы видели все, что нам нужно! И, значит, сейчас мы просто не видим чего-то важного. Сидим, смотрим прямо на него и не видим.

– Ну, если так, – обрадовалась хоть какой-то, пусть умственной, разминке Землетрясная Даша, – давай по порядку. С Софией и стенами понятно – эту версию нужно проверить. Со двором – тоже... – Чуб в последний раз перечеркнула взором щербатый асфальт, детскую площадку с качелями и деревянным резным крокодилком, стандартную скамейку, пару мусорных баков, куст, деревья, чахлый газон и заключила: – Тут ни фига. Остаются двери и окна. Кто живет в верхнем, мы уже в общих чертах представляем, – крикливая снобистская стерва. Надо узнать, кто она. Ну и второе окно прояснить, и дверь тоже... Пуфик! Пуфик! Изида, ты куда?!..

Пока Киевицы караулили нечто еще не случившееся, в праздничной жизни рыжей кошки случилось немало событий. Она успела подремать и помурчать на плечах у хозяйки; спрыгнуть вниз; перепугать до полусмерти прогуливавшегося во дворе полусонного хозяина рыжего пекинеса, поздравив его питомца с огненным праздником; послать на три буквы двух серых терьеров и одну черную таксу; полежать в засаде, намереваясь поохотиться на голубей; передумать, плюнуть на ту охоту, вернуться на колени к Даше, громко потребовать, чтоб та погладила ей круглый животик, муркнуть «*chamant*⁶» и вновь переместиться на уже прогретую сентябрьским солнцем траву.

Теперь же с неподражаемой грацией рыжего гиппопотама Пуф карабкалась на близрастущее дерево.

– Доця! – Даша соскочила со скамейки. – Доця, вернись, ты упадешь! Давай, быстро ползи попой назад...

Заслышав взволнованный голос хозяйки, Пуф честно попыталась дать задний ход, – но едва не сорвалась вниз и припустила вверх с новой силой.

– Нет, доця, нет!.. – замахала Даша руками.

Достигнув первой ветви, Изида осторожно пошла по ней.

– Не надо! Она ж под тобою подломится!..

Подтверждая слова, ветвь подозрительно закачалась, кошка замерла, вцепилась когтями в кору, округлила глаза, открыла рот и заорала:

– М-эу... М-эу...

– Мама, что делать?! – истерично заломила Чуб руки. – Я в Башне забыла метлу! Никогда не забываю, а тут... Все ты виновата! Все из-за того, что ты меня в три утра подняла! – в сердцах обвинила она Ковалеву.

– В пять тридцать...

– Какая разница? Разве нормальные люди встают так рано! Конечно, я все забыла... А Пуфик теперь разобьется!!!

– М-эу... М-эу... М-эу... – неслось на весь двор.

Ни разбиваться, ни затыкаться Изида не собиралась, – она возмущенно взывала о помощи. Даша в панике металась внизу.

– Даш, она – кошка, – попыталась воззвать к логике Маша. – Они прыгают вниз и не с такой высоты. Тут всего метра три...

– Она лапку сломает! – проплакала Даша, загоя проживая ужасную катастрофу. – Она ударится. У нее будет стресс. Она будет знать, что ее мама – предательница и в трудный час ей ничем не поможет, – похоже, дремавший досель материнский инстинкт проснулся и забил в Чуб, причем не родником, а фонтаном, угрожая наводнением ближайшим окрестностям.

– Хочешь, я быстро мотнусь домой за метлой? – предложила Маша. – Мы ж рядом...

– Ты не успеешь! Она упадет!

– М-эу... М-эу... М-эу...

– Эй, вы!.. Сделайте что-то с вашим мерзким животным!

---

⁶ Прелестно (*фр.*).

Старый дом стал похож на выставочный зал – в оконных рамах нарисовались портреты жильцов. В окне, любящем еду от неведомой Аллочки, портрет был групповым – молодая тонконосая блондинка в комплекте с невзрачной женщиной средних лет. Прямо под ними зарисовался портрет неизвестного в спортивном костюме с древней эмблемой Олимпиады-80 – сухонький, вредный старик, посмеявшийся обозвать Дашу «Эй, вы», а Пуфик «мерзким животным».

– Вы мне мешаете спать. Я милицию вызову, – пригрозил старикашка.

– Мужчина, зачем вы кричите? Как девушка может снять ее? – заступился за Дашу портрет в полный рост, – дверь первого этажа распахнулась, явив полную даму в очках.

– Мне все равно, – дернул плечами старик. – Я хочу спать. Вы знаете, который час?!

– Все нормальные люди проснулись еще в пять утра, – в любое другое время дедуле б не поздоровилось, но ныне он не смог завладеть вниманием Чуб, – все ее чувства были отданы плачущей кошке. Ветка под крупнокалиберной Пуфик раскачивалась все сильнее, – Изида орала все отчаянней, а ее «мама» все крепче сжимала испуганные кулаки...

Маша же вдруг перестала казаться встревоженной, став удивленной.

– Девушка, я с вами разговариваю! – увы, старик не ценил свое здоровье. – Если вы сейчас же не снимете эту тварь, я собью ее сам. – Дед поднял руку, показывая, чем будет сбивать – четвертый том «Капитала» Карла Маркса.

– Что-что ты сказал?! – глаза и рот Даши Чуб стали еще круглей, чем у плачущей кошки.

– Мужчина, как же вы можете? Кошечка не виновата, – схватилась за сердце приятная дама в очках. – Я директор библиотеки... Я не позволю вам.

– Пожарные? – раздалось сверху. – Возле уха тонконосой, капризногубой блондинки сверкнул золотой телефон, на лице прописалось четкое осознание, кто здесь самый умный и, само собой, самый красивый. – У нас кошка на дереве... То есть как не снимаете? Что значит только в американском кино? Странная логика. По-вашему, если у нас в стране не снимают кино, то и кошек не нужно снимать? Я, к вашему сведению, жена депутата Мерсюкова. Я поставлю этот вопрос. Я добьюсь, чтоб у нас снимали кино! И кошек тоже... А вас сняли с работы. Как ваша фамилия? Галя, пишите.

В руках стоящей рядом невзрачной тетки в подвязанном на затылке цветастом платке образовалась ручка, лицо домработницы осталось устало-равнодушным. Ненадолго.

Старик пригнулся, целясь в кошку капитальным трудом пролетарского пророка. С цирковой быстротой Даша Чуб сорвала с ноги ботинок а-ля Джонни Депп и запустила в окно старика. Стекло разлетелось. Голова деда исчезла. Дама-директор схватилась за грудь второю рукой.

– Вы убили его? – прошептала она испуганно-жалобно.

Сияющее азартом лицо старикашки вынырнуло из-под подоконника – в руках у него был пистолет.

– Ах ты, дрянь! – грянул он. – В такую и пальнуть не жалко. Теперь я твою кыцю сам грохну.

– Милиция! – закричали над ним. – Я жена депутата Мерсюкова. Тут человек грозитя убить... У него оружие!

– Наградное! – гордо крикнул старик. – Я вам не кто-нибудь... Я не таких учил. Только попробуй швырни свой сапог, – перевел он прицел на Дашу, уже сжимающую в руках второй ботинок. – Одной прошмандовкой будет меньше.

Дама в очках по-рыбы открыла рот и поспешно прикрыла его двумя ладонями, боясь, что случайный звук решит исход дела. Маша испуганно заморгала глазами.

– Помогите! Спасите! Убивают!.. – истошно заголосила Галя в цветастом платке.

– Ма-эу... Ма-эу... Ма-эу... – продолжала наяривать Пуфик.

Единственной, кто проявил завидное спокойствие, была Даша Чуб – едва дед перевел пистолет на нее, она издала короткий смешок, точно тот сморозил очевидную глупость. И вдруг принялась неистово и лихо отплясывать, выделявая кренделя босыми ногами и напевая на мотив калинки-малинки:

Стреляй же, стреляй же, стреляй в меня, дед,
Стреляй в меня марксометатель и пед.
Тебя не боюсь, не боюсь я ничуть,
Стреляй же, стреляй давай в девичью гру-у-удь!..

– но вместо того, чтоб рвануть рубаху на груди, живо высвободила из брюк край футболки, высоко задрала подол, соорудив таким образом упругий гамак, и крикнула:

– Доця, давай, быстро прыгай сюда... Мама поймает!

– От это-о стриптиз! – обалдел шагнувший во двор ушастый дворник при виде бесплатного топлес (под футболками Чуб отродясь не водилось белье).

– Проститутка! – злобно гаркнул старик, не в силах, однако, оторвать взгляд от Дашиной четырехразмерной груди.

– Проститутку убивают! – взвыла Галя.

– Нет!.. – вскрикнула дама-директор, увидев, как дед прицелился в девушку.

– М-эу... М-эу... М-эу... – замяукала Пуфик.

– Иу-иу... Иу-иу... – синхронно завывли две сирены. Первым во двор ворвался взъерошенный, заляпанный грязью, орущий милицейский бобик, за ним – ярко-красная пожарная машина.

– Дед, дед, быстро бросай оружие!.. – закричал милиционер, выпадая из окна машины.

Но дед не послушался – быстро выбросил руку вперед и выстрелил в Дашу... длинной и серебристой струей холодной воды. Чуб взвизгнула и обиженно заорала.

В ту же секунду Пуфик с криком полетела вниз, прямо в упругий «гамак», и старший пожарный, еще изучавший в школе историю Великой французской революции, вдруг явственно расслышал в кошачьем мяуканье лозунг «Liberté, Égalité, Fraternité»⁷.

* * *

– Ну зачем, зачем, ты его провоцировала? – пожурила Маша, уже после того как протокол был составлен. – Зачем ты кричала: «Стреляй, стреляй»?

– А че? Киевиц ведь невозможно убить...

– Зато человека можно арестовать за попытку убийства. Конечно, он вредный. Но он же старик... И ты тоже его разозлила. Ты что, хотела, чтоб он кончил жизнь в какой-нибудь страшной тюрьме?

– А ты предпочла бы, чтоб он убил нашу Пуфик? – пошла в контр-атаку Землепотрясная Даша.

– Но пистолет был игрушечным...

– А ты это знала? Зато я точно знала, что на нас амулеты...

Чуб оттянула ворот футболки, обнажая свернувшуюся за пазухой цепь в виде змеи, кусающей собственный хвост.

– Ка-акие тут интересные вещи показывают! – проскандировал проходящий по Стрелецкой улице высокий парень, заглядывая на ходу в Дашин вырез.

---

⁷ Свобода, равенство, братство (фр).

Та ухмыльнулась. Утро осталось позади. Сидеть во дворе не было больше ни смысла, ни возможности – теперь их знал в лицо весь жилой дом. И перед тем как уходить, Киевицы остановились взглянуть на фасад оставшегося не разъясненным здания на Стрелецкой, не слишком щедро украшенного лепниной в стиле Модерн.

– Перестань заголяться, – вспыхнула Маша, – хватит с меня на сегодня стриптиза.

– А че? Это во-още беспроегранный ход. Ни один мужчина, будь ему хоть сто девяносто, не вспомнит про какую-то кошку, если увидит вот это, – Чуб гордо возложила руки на бюст. – Теперь доця не сможет сказать, что мамочка бросила Пуфик в беде. Мама закрыла ее своей грудью. К тому же, – быстро присовокупила она, – холодную воду Пуфик тоже не любит.

– Про Изиду отдельный разговор. Ее мы больше с собой не берем.

– Почему?

– У нее – День Рыжих. И это, похоже, опасно.

– Зато благодаря ей мы знаем все обо всех, кто живет в нужных нам окнах.

– Tour de forse!⁸ – поддакнула Пуф.

– А я о чем?.. – Маша бросила на кошку упрекающий взгляд. – Мы – Киевицы. Мы могли узнать все и без пожарных, и без протоколов с милицией.

– Точнее и быстрее, чем из протоколов? Не надо ляля. К тому же – так веселее.

И тут Маша даже не нашлась, что ответить, – Чуб и Пуф выглядели слишком довольными друг другом и утренним времяпрепровождением.

– О'кей, – махнула рукой Землепотрясная Даша, – давай о деле. Что мы имеем? Дверь и два окна... В первом живет Василий Васильевич Наконечный – старый дедок, с мерзким характером и пластмассовым пистолетом, подозрительно похожим на настоящий.

– Он же сказал милиции, что купил его внуку.

– Но, что приятнее, деда у нас уже нет, так как его арестовали.

– Задержали. Ненадолго, – сказала Маша с интонацией «я о том позабочусь».

– И зря, – поняла ее Чуб. – Люди, которые бросаются Марксом в кошек, не должны оставаться на воле. Об этом должны позаботиться все любители кошек и любители Маркса, если таковые остались... Еще у нас есть Мария Андреевна Чижик – добрая тетя, директор библиотеки. Тоже, боюсь, ненадолго. Пока менты составляли протокол, она говорила, что их собираются скоро закрыть. Может, Киев хочет, чтоб мы сохранили ее библиотечку?

– В любом случае, стоит о ней позаботиться, – Маша наскоро нарисовала в небе круг Киевиц, способный защитить любого – даже дом, расположенный в центре Города, – учитывая престижность места, скорее всего, кто-то уже положил глаз на библиотечное помещение.

– И, наконец, есть Галина Ивановна Шмырь из села Кузяки, она же домработница Галя. А также миссис жена депутата Мерсюкова, не пожелавшая давать показания... Раз уж деда забрали, предлагаю начать с нее – она мне больше всех не нравится, – сказала Чуб и, не медля, перешла от слов к начинанию – нажала кнопку мобильного, вызывая номер старшей из трех Киевиц. – Алло, Катя... Есть дело. Ты ж у нас бизнесвумен элит-класса. Ты случайно не знаешь жену депутата Мерсюкова? Да? Я почему-то так и подумала. Я сразу решила, что вы с ней друзья. Сразу видно, одно воспитание. Вы обе точно знаете, что вам надо.

– А вот он ее плохо знает... – Маша внезапно нахохлилась, вывернула голову, выставила ухо вперед, прислушиваясь к чему-то.

– Кто он? – отвлеклась Даша.

Ковалева перешла узкую дорогу и вдохновенно прикоснулась ладонью к кирпичной кладке дома на Стрелецкой.

– Дом. Он ее раньше не видел... Долго не видел. Эту квартиру жена депутата получила недавно. В наследство.

---

⁸ Ловкий трюк (фр.).

- Это он тебе сам сказал? А почему он раньше молчал? Мы тут с утра загорали...
- Не тут. Во дворе, – поправила Маша.
- Какая разница?
- Огромная. Я только теперь поняла... Если бы кто-то подошел к тебе сзади и стал задавать вопросы, ты бы ответила? Ты б начала разговор, стоя к кому-то спиной?
- Ну, я бы сначала обернулась...
- Все верно. А дом не мог обернуться. Потому он просто молчал.

* * *

– О, Катенька! – капризногубая блондинка, поразившая Дашу столь четким пониманием своих жизненных целей, была до странности рада звонку. – Как хорошо, что ты позвонила! Я только недавно тебя вспоминала. Думала, нужно ей позвонить... Ведь ты у нас во всяком антикварном хламье разбираешься.

– Пожалуй, – сдержанно согласилась Катерина Михайловна Дображанская.

И уже через час обе сидели в том самом ресторане «У Аллы» в центре Города. И Катя задавала себе вялый вопрос, почему жена депутата позвала ее именно сюда – заведение было отнюдь не самым престижным, хотя и красивым. Стены украшали панно в виде томных красавиц, неплохо срисованных с полотен Альфонса Муха. Летящие кудри дев превращались в магический орнамент, руки, шеи и головы увивали чудесные украшения из змей, звезд и застывшего льда.

Блондинка и брюнетка заняли столик в дальнем конце многолюдного зала. И каждый, кто увидел бы их вместе, понял бы многое. Прежде всего то, что Даша Чуб нарочито недолюбливает Катю – слишком уж явно она была неправа, поставив ее на одну доску с женой депутата.

Поместившиеся напротив друг друга блондинка и брюнетка были полной противоположностью не только по цвету волос. Темноглазая и темноволосая Катерина могла бы поспорить красотой с любым произведением искусства, от Венеры Милосской до «Врат Ада» Родена. Блондинку же сама Катя, в последнее время серьезно увлекшаяся наукой о цветах, относила к породе выюнков. Растениям, которым, чтоб подняться вверх, необходимо обвиться вокруг кого-то, но, обвившись, способным повалить могучее дерево. Губы жены депутата Мерсюкова были пухлы, черты миловидны, а глаза порой чересчур наивны, порой по-детски жестоки, порой по-лисьи хитры, но неизменно исполнены заученного презрения ко всем людям, вещам и явлениям несоответствующего сорта и класса.

– Тут такая история. Ты не поверишь, – начала она после пары положенных светских реплик, включавших рекомендацию модного инструктора по йоге и убийственную характеристику нового косметического салона на Липках. – Примерно полгода назад меня отыскал мой дядя Кира... Кирилл. Троюродный. Я о нем никогда раньше не слышала. Конечно, я вначале подумала, он меня в каком-то журнале увидел, узнал, чья я жена, и денег хочет. А он, ты не поверишь, говорит мне, хочу тебе наследство оставить, больше никого из родных у нас с тобой нет. И, правда, отписал мне квартиру и умер... Квартира, не поверишь, в самом центре, на Стрелецкой. Хоть мне от нее ни холодно ни жарко. У нас самих два этажа на Прорезной и дом, еле успеваю всем заниматься. Ну, разве, сдавать ее, чтоб лишнюю тысячу на булавки иметь. И то не знаю. По-моему, геморроя там больше, чем дохода. Там же запущено, нужно все вывезти, сделать ремонт, обставить как-то. И нижнее помещение получить невозможно. Там библиотека совковая... Но нам буквально полчаса назад позвонили, намекнули, у нее такой спонсор – лучше не соваться... А какие там соседи, ты б знала! Кошмар! Но я не об этом... Когда дядя был жив, он рассказал мне о нашей родословной. Ты не поверишь... Я сама не поверила! Оказывается, мой родной прапрадед Жорж Олимпович Архангельский был дирижером в нашем

оперном театре. И играл там вместе с Сарой Бернар. Ты знаешь, кто такая Сара Бернар? – настороженно уточнила она.

– Легенда театра. Великая французская актриса эпохи Модерн, – лицо Дображанской, похожее на камю из слоновой кости, озарил интерес. Модерн был любимым коньком Катерины.

– Какая ты умница! – возликовала блондинка. – Знаешь, сейчас так мало образованных, интеллигентных людей, – пожаловалась она, искренне и неприкрыто жалея о том, как трудно щеголять знакомством с Легендой пред теми, кто даже не слышал о ней, и обилии не слышавших среди ближайших знакомых. – А до революции Бернар приезжала к нам в Киев! На гастроли. И тут они с моим прадедом... – рассказчица сделала соответствующее намеку пикантное лицо, – ...познакомились. Сейчас я тебе его покажу, – блондинка взяла в руки мобильный, и на плоском экране пред Катей предстал лихоусый мужчина с тростью, цветочной бутоньеркой в петлице и ровнейшим пробором на голове.

– Красавец, – вежливо похвалила предка Катя.

– Правда, красавец? И на меня так похож... Правда, похож? Хочешь, я его тебе сброшу? – охотно предложила праправнучка.

– Давай, – на всякий случай согласилась Катерина, не зная, к чему приведет разговор. Музыкальная родословная жены депутата могла оказаться обычной пустышкой, а могла – забрезжившей тропкой к очередной тайне Великого Города...

– Отправила, – радостно оповестила блондинка. – Так вот, ты не поверишь, но дядя Кира рассказывал, будто у деда с Сарой Бернар был роман. Она постоянно меняла любовников. Но на деда, наверное, сильно запала. Дядя сказал мне, что его папа сказал ему, а его папе говорила его мать, будто Сара подарила Жоржу одну ценную вещь... Она вообще обожала бриллианты. Всегда возила с собой сундук с драгоценностями. У нее такие украшения были... Сейчас за них миллионы дают. Я тут в Интернете порылась, чуть с ума не сошла. Сейчас покажу... Как тебе эта Принцесса Греза? Стильная заставка, согласна? Сбросить тебе?

Блондинка снова схватилась за свой мобильный, и Катя увидела «стильную заставку» – черно-белое фото тонкогубой, остроглазой женщины в дивном головном уборе. Усыпанные сверкающими камнями громоздкие металлические лилии соединились меж собою высокой зубчатой короной.

– А почему Принцесса Греза? – спросила Дображанская.

– Так спектакль назывался. Это Сара в роли принцессы. Умели ж тогда одеваться, согласна?..

– И чем я могу помочь тебе? – поинтересовалась Катя.

Внезапно наследница дирижера занервничала.

– Понимаешь... Я вначале несильно поверила. Решила, просто семейная легенда. Но незадолго до смерти дядя отдал мне письмо. Его написал мой прапрадед – прабабке Анфисе. После революции он женился на семнадцатилетней, жена была из крестьян. Он, наверное, пытался скрыть свое аристократическое... ну, в смысле, богемное происхождение. У них было два сына. Младший – мой прадед, а старший – родной дед дяди Киры. Поначалу Жорж, наверное, не слишком доверял своей крестьянской жене... В общем, смотри, – быстро, будто боясь передумать, блондинка достала из сумочки ксерокопию и положила пред Катей, ткнув ногтем в обведенный ручкой абзац:

...то, что я рассказывал тебе про мой труд в театре и про знаменитую Сару Бернар, – все это правда. Но кое-что я утаил – тот самый подарок, бесценную алмазную Лилию, сделанную в Париже специально для Сары. Она по-прежнему при мне, и, когда мы увидимся снова, я покажу ее тебе. И открою тебе ее секрет...

– Только они с Жоржем так и не увиделись, – трагически сказала блондинка. – В 1936 году его арестовали. Потом расстреляли или сгноили в лагерях – неизвестно. Но ни Жоржа, ни Лилии никто больше не видел. Дядя Кира пытался найти ее, и отец его тоже. Теперь мой Аркадик... Ему легче, у него деньги и связи, и время другое, можно попробовать архивы поднять. Мужа это так вдохновило... – Жена депутата наклонилась к Кате и эмоционально-стремительно прошептала: – Он ведь мне на самом деле не муж. Мы всюду вместе и все меня считают женой... Но мы не зарегистрированы. А тут он вдруг говорит: давай поженимся. Мне кажется, он из-за Сары. Сейчас, знаешь, модно составлять родословную. А тут такая история... Алмазная Лилия! Если она похожа на эти... – не-жена зазывно взглянула на свой телефон, любуясь чудными лилиями, украшавшими чело великой актрисы. – Знаешь, кто их сделал? – не без позерства спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.